

Марко Вовчок

Путешествие во внутрь страны

Марко Вовчок

Путешествие во внутрь страны

«Public Domain»

1871

Вовчок М.

Путешествие во внутрь страны / М. Вовчок — «Public Domain»,
1871

«День жаркий, ветреный, удушливый. Повсюду пыль столбом. В вокзале Николаевской железной дороги шум и суета. По платформе бегают, словно на пожаре, роняют дорожные мешки, зонтики, пледы, перчатки, рассыпают запасенную в дорогу провизию. Два кренделька и печеное яйцо катятся к лаковым блестящим ботинкам какого-то пожилого щеголеватого господина, который отпрядывает от них, как от ядовитого змеиного жала...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Марко Вовчок

Путешествие во внутрь страны

Amicus Plato, sed magis amica veritas
(Платон мне друг, но истина дороже всего – латинская поговорка).

I. От Петербурга до Москвы

День жаркий, ветреный, удушливый. Повсюду пыль столбом. В вокзале Николаевской железной дороги шум и суета. По платформе бегают, словно на пожаре, роняют дорожные мешки, зонтики, пледы, перчатки, рассыпают запасенную в дорогу провизию. Два кренделька и печеное яйцо катятся к лаковым блестящим ботинкам какого-то пожилого щеголеватого господина, который отпрядывает от них, как от ядовитого змеиного жала. У иногородних путешественников, забравшихся сюда спозаранку и уже успевших сделать десятка два верст взад и вперед по зданию, на лицах ясно написано угрюмое неудовольствие; движения их порывисты, речь раздражительная. Некоторые (холерики) еще все ходят взад и вперед, хотя уже через силу, но большая часть уже окончательно умаялась, присели по скамейкам и беседуют. Они успели перепознакомиться друг с другом и ведут разные разговоры, пересыпая их едкими замечаниями о Петербурге.

– Ну уж Петербург, признаюсь! – говорит довольно округлый дворянин другому, сидящему с ним рядом на скамейке, менее округлому дворянину, который в ответ язвительно кричит рот и пожимает плечами.

– Ведь это, знаете... ведь это просто... Позвольте спросить, как имя и отчество?

– Владимир Ильич.

– Ведь это просто, Владимир Ильич... просто какое-то бесчеловечие! Лед-с, лед! Везде лед! Я к этому не привык, и я поражен! Никто тебя не замечает! Ведь решительно не замечает! Слово тебя нет.

– Меркантильный дух! Здесь важны туго набитые карманы, а не человек! – с прежней язвительностью замечает Владимир Ильич.

Третий дворянин, в мрачном расположении духа сидящий на соседней скамейке, перегибается в сторону разговаривающих и вмешивается в разговор:

– Люди, можно сказать, мельчают, вырождаются в таких центрах, как Петербург. Постоянно поглощенные мелкими заботами, они не имеют досуга углубиться внутрь себя, обозреть свой внутренний мир и сосредоточиться на задаче жизни.

Он говорит это плавно, протяжно, выдержанно, останавливаясь на запятых и точках, и тем благосклонным, но не допускающим возражений тоном, каким часто говорят привыкшие к почтительным слушателям магнаты-помещики. Он не говорит, а так сказать, «глаголет».

Дворяне, к которым он обратился, по его манере глаголать тотчас же догадываются, что он немалая птица, и несколько торопливым хором бормочут:

– Да, да!. мельчают... вырождаются...

Наступает молчание и длится несколько минут.

Вбегают три иногородние путешественницы. Они одеты по последней петербургской моде, но, с непривычки, все на них топырится. Они беспрестанно обдергиваются. Шляпки у них несколько на сторону, глаза округлились до последней невозможности, дыхание прерывается. Они то мечутся из стороны в сторону, то толкуются на одном месте.

– Ах! – вскрикивает вдруг, точно уколота иголкой, одна из них. – Где мой палевый платочек? Куда я его заложила? Ах! я его, верно, забыла там, на окне в гостинице! Поль, Поль, Поль! ты не видал его там?

– Кого? Кого? – тревожно спрашивает подбежавший с узлами Поль.

– Варя, ты не видала? Лиза, ты не видала? Ах! надо поглядеть, нет ли где... Ах, боже мой!

И все три путешественницы торопливо отпирают мешки и принимаются судорожно в них ворочаться, пока восклицание «вот он!» не кладет конца этому мучительному занятию.

Поль отходит несколько в сторону и тоже начинает проверять свой дорожный мешок и сумку.

Две другие иногородние путешественницы, давно уходившиеся от волнений и в изнеможении почти лежащие на балюстраде, отделяющей платформу от вагонов, услышав, что соседи что-то потеряли, тоже принимаются отмыкать мешки, тоже лихорадочно в них роются, затем тревожно ощупывают свои карманы, пересчитывают деньги.

– Люба! пятидесяти не хватает! – с ужасом шепчет одна.

– Что ты! что ты! Пересчитай получше! – отвечает вспыхнувшая тревогой Люба. – Нет ли в кармане? Встряхни платок!

Встряхивают платок и снова пересчитывают деньги.

Скоро восклицание удовольствия показывает, что тревога фальшивая.

Из вокзала на платформу выбегает новый расстроенный отряд иногородних обоего пола, чрезвычайно живо напоминая «толпу взволнованных граждан», которая высыпает из-за кулис на сцену при драматических представлениях. Воспоминание о сценических «взволнованных гражданах» еще делается живее, когда раздаются хоровые восклицания, то резкие, крикливые, то сдержанные, шипящие.

– Опоздали! Опоздали! – хотя жалобно, но с достаточной яростью восклицает коренастая, черноглазая, по всем ухваткам властительная мать семейства, бесцеремонно поддавая в окружающие ее посторонние бока мощными локтями и стремительно порываясь вперед. – Я так и знала! Я так и знала!

– Я нарочно поставил по пушке! – доносится справа чье-то уверение. – Ей-богу, по пушке!

– Ах-ах-ах!

– Не толкайтесь!

– Невежа!

– Господи! наказание какое!

– Да еще час целый до отхода!

– Ах, извините!

– Боже мой!

– Понятно, что все стала забывать, – шипит злостный мужской голос, – наслушалась «женского вопроса»!

– Любинька! Любинька! – пронзительно, как свист в ключ, проносится материнский клич. – Où êtes vous? Où êtes vous?¹

Остается всего полчаса до отхода поезда. На платформе давка и смятение так увеличиваются, что издали представляются только расколыхавшиеся волны разноцветных шляп, фуражек, шляпок, шапок и ярких вуалей.

Эти кипящие волны все чаще и чаще начинают перерезываться спокойными, хотя и быстрыми течениями петербуржцев и петербуржанок.

Истые петербургские жители спокойны, хладнокровны; все у них в порядке: и одежды, и физиономия. Они являются как раз вовремя, ловко, не спеша занимают лучшие места в

¹ Где ты? Где ты? – фр.

вагонах, насколько возможно комфортабельнее усаживаются и смотрят из окон на мятущуюся по платформе толпу.

– Где наши вещи? – раздается в разных концах. – Билеты! билеты! Через двадцать минут отходит!

Толпа словно отливает к багажной. В багажных дверях начинается давка.

Очень молодой человек, отлично одетый, после тщетных усилий протиснуться сквозь стену прижимающих локтей и плеч вырывается, наконец, весь измятый, обратно на платформу, где очень раздражительно встречен тоже отлично одетой молодой дамой.

– Наконец-то! – говорит молодая дама. – Пойдем, уж, верно, все порядочные места заняты!

– Да я не мог билета на вещи получить!

– Как не мог получить? Как не мог... Это уж из рук вон! Это...

– Да что ж я буду делать? Меня чуть не задавили... Говорят: ждите очереди!

– Говорят: ждите очереди! – передразнила дама язвительно. – Вот наградил бог толком и умом! *Donnez lui quelque chose!*²

– *Mais...*³

– *Quoi «mais»? Donnez lui quelque chose, je vous dis!*⁴

– *Je n'ose...*⁵ здесь не берут!

– Скажите пожалуйста! Это ты, верно, у своих Карасевых набрался таких идей?

Невозможно выразить на бумаге той глубины презрения, какую молодая дама влагает в «Карасевых».

Очень молодой человек вспыхивает, как зарево.

– Я пойду... – говорит он, – я пойду еще попробую... может, уж очередь...

Но молодая дама безжалостна.

– Конечно, – говорит она, – никто не мешает следовать по стопам Ка-а-а-рра-ссее-вых! Ха-ха-ха! К-а-р-а-с-е-в-вы!

У злополучного последователя Карасевых даже уши пунцовеют. Со слезами на глазах он бормочет:

– Я не понимаю... я не понимаю, к чему тут примешивать людей... людей... которые... которые...

– Конечно, никто не мешает! – продолжает молодая дама, не удостоивая заметить кроткого и смущенного представления. – Но, мне кажется, следовало бы *немного* помнить, чем кому обязан. Если живешь в чьем доме, так, мне кажется, можно, не говорю из благодарности, а хоть из приличия, время от времени пожертвовать карасевскими идеями! Наконец, можно хоть не вмешиваться! Кто просил отсылать человека? Он бы все мне сделал! Но, по милости карасевских идей, я теперь опоздаю на поезд! Опоздаю к 17-му! Надо будет возвращаться опять к тетеньке, и за чаем она опять будет подсмеиваться, как провинциалы опаздывают! По милости карасевских идей...

– Помилуй, кузина...

– Карасевы приказали *трудиться!* Ах, прелестно! Как почетно таскать самому чемоданы! *C'est très gentil!*⁶ Ах, да! они все занимаются переноской чемоданов!

– Я не понимаю... к чему... к чему тут... тут чемоданы? – бормотал кузен.

Он задыхается.

² Дай ему что-нибудь! – *фр.*

³ Но... – *фр.*

⁴ Что «но»? Дай ему что-нибудь, говорю тебе! – *фр.*

⁵ Я не смею... – *фр.*

⁶ Это очень мило! – *фр.*

– И дамы тоже? – презрительно шурясь, произносит кузина. – *C'est charmant!*⁷ Нет ли их карточки с чемоданом на плечах? Они не дарят таких видов своим поклонникам?

Она, не замечая того, все более и более возвышает голос.

– Кузина!

– *Madames* Карасевы...

– Они хорошие люди! – чуть не с рыданием шепчет кузен. – Они хорошие люди...

Его всего трясет, но кузина заливается язвительным хохотом.

– Ка-ра-се-вы... – начинает она, с каждым слогом делая все более и более презрительное ударение.

– Лучше пошлых гвардейцев! – почти вскрикивает потерявший над собою власть кузен, кидается в толпу, отчаянно пробивает ее и исчезает в багажной.

На несколько мгновений кузина немеет от изумления и остается неподвижна, как бы окаменев от неожиданного удара. Затем она начинает приходить в себя, и, по мере того, как она в себя приходит, ее лицо начинает искажаться злостью. «Как он смел! Как *он* смел *мне* так говорить! А! хорошо! Увидим!» – так и читается в каждой черте.

Вдруг к ней приближается молодой человек, плохо одетый, дурно причесанный, без перчаток. Руки у него загорелые, походка твердая и осанка решительная.

Он останавливается перед гонительницею Карасевых и пристально на нее глядит. Она окидывает его с головы до ног беглым взором и небрежно отвертывается: он, видимо, произвел на нее впечатление невыгодное и причислен ею к классу «*Ничто*».

Но приблизившийся Ничто отнюдь не смущается и, наклоняясь к ней, спокойно говорит:

– Вы, прекрасная дама, сейчас высказывали свое мнение о Карасевых. Я желаю высказать свое мнение о вас.

На лице прекрасной дамы изумление быстро сменяется страшным испугом.

«Карасев!» – думает она, оглядывается во все стороны умоляющими о вырубке глазами и несвязно бормочет:

– Я не высказывала... я только так... Это кузен... он всегда меня... всегда вводит в... в заблуждение... Я не знаю Карасевых... – Теперь уже в Карасевых не влагается презрение, а, напротив, некоторая почтительность, – я даже их не видала!

– Я тоже их не знаю и не видал, – отвечает молодой человек с решительной осанкой, – но это нисколько не мешает мне выразить моего мнения о вас, прекрасная дама.

Прекрасная дама трепещет, как лист, и ждет чего-то ужасного.

– По-моему мнению, вы дура, прекрасная дама! – говорит молодой человек.

Она, правда, ожидала чего-то ужасного, но все же не этого. Она глядит на него дикими глазами.

– Вы дура, прекрасная дама, – повторяет молодой человек тоном глубокого убеждения и отходит.

Она тем же диким взором провожает его.

Вылетевший из багажной кузен, очевидно, успевший уловить последнюю фразу, замирает на месте.

Стоящие и сидящие поблизости переглядываются, перешептываются, хихикают.

Вдруг прекрасная дама оглядывается кругом, приходит в себя, соображает и, если можно так выразиться, в бешеном изнеможении снова опускается на скамейку.

Картина.

Но ее поглощает нахлынувшая струя немецкого элемента.

⁷ Это очаровательно! – *фр.*

Немки, даже петербургские, отличаются суетливостью (исключая баронесс и графинь, которые представляют поистине изумительную деревянность), но суетливость у них особенная, так сказать, аккуратная.

Вот бежит по платформе соотечественница, обремененная всего шестью-семью узелками, и она уж теряется, роняет то то, то другое, устремляет на вас дикие взоры, как будто соображая, не потерянная ли вы ее дорожная принадлежность, тоскливо охает, зовет носильщиков – вообще, видимо, не сумеет без счастливой случайности выйти из беспомощного положения и, прежде чем доберется до своего места, испортит себе бог весть какое количество крови и уйдет до полусмерти.

Вот бежит немка, навьюченная не семью, а двадцатью семью мешочками, узелками, сверточками и пакетиками. Бежит она как ни в чем не бывало; все эти мешочки, узелки, сверточки и пакетики так солидно держатся, словно растут на ней; разнообразный выюк не стесняет ее, а только заставляет преуспевать в юркости и зоркости.

Lieber Albrecht или lieber Wilhelm⁸, с своей стороны, тоже отличается по этой части и поглядывает на какого-нибудь торопливого расстроенного «русса», как наставник на безнадежного ученика.

Багажная мало-помалу прочищается: смятение переходит в вагоны, где всякий старается уместиться в ущерб соседу.

Платформа почти опустела, и потому теперь может, кто хочет, свободно любоваться оставшимися на ней живописными личностями.

На первом плане молодой человек в светло-коричневом бархатном костюме, с наглыми голубыми глазами навывкате, с сигарой в почерневших зубах, очевидно, явившийся сюда зрителем; около молодого человека кучка приятелей в светлых панталонах и ярких галстуках, с вычурными тросточками в руках. Весь этот кружок вертится, хохочет и невероятно глупо себя держит.

Какая-то молодая женщина, покрытая темным платком, плачет, прислонившись к стене.

Небольшой отрядец дам, и во главе их две очень молоденькие, перебегают от одной дверки за барьер к другой, но повсюду оттиснуты раздраженными блюстителями порядка, которые яростно вскрикивают, заграждая проход грудью:

- Не извольте лезть! Не допускается!
- Да нам на секундочку! – убедительным тоном вскрикивает отрядец.
- Не допускается! Не извольте лезть! – вторят друг другу блюстители порядка.
- На секундочку!
- Не извольте ле...

Внезапное появление какой-то особы, развалистой и самоуверенной, вдруг заставляет отпрянуть блюстителей порядка и настежь распахнуть дверку, только что защищаемую грудью.

– Ведь вот пропускаете же, – укорительно раздается женский хор.

И отрядец снова пытается прорваться.

Но блюстители порядка, пропустив особу, снова уже сомкнулись и стоят непреклоннее, чем когда-либо.

– Ведь пропустили же сейчас, – раздается хор, поднимаясь на целую ноту выше. – Одних пропускаете, других нет! Это ни на что не похоже! Не все ли равно...

Пропущенная особа приостанавливается, оглядывается, окидывает бунтующий отрядец равнодушно-изумленным взором, как бы говоря: «Скажите, пожалуйста! Есть еще на свете простодушные люди, которые могут себе вообразить, что „все равно“!»

– Пустили его, пускайте и нас! – покрывает хор чей-то звонкий свежий голос.

⁸ Милый Альбрехт или милый Вильгельм – нем.

Особе так это кажется забавно, что она даже слегка улыбается и, поправив серую шляпу, закулив сигару, облакачивается на балюстраду, с улыбкою поглядывая на мятущихся притязательниц на равенство.

Приближается господин, сдержанный, учтивый и «покорнейше» просит дам не тесниться, ибо правилами железной дороги выход за барьер воспрещается.

– Но ведь отчего ж пропустили вот того господина в серой шляпе? – возражает ему взволнованный голос.

Сдержанный господин даже не бросает взгляда по указанному направлению, но с прежним невозмутимым спокойствием отвечает:

– Вероятно, были особые уважительные причины. Права публики...

– Да у нас тоже уважительные прич...

– Не угодно ли пропустить пассажиров? Прошу вас... Будьте столь обязательны, сударины, посторонитесь... позвольте...

– Нет, это ужасно! Это просто ужасно! – раздаются хоровые восклицания.

Однако бунтующий отрядец отступает.

Блюстителю порядка оттирают капли пота с лица и вздыхают полной грудью.

Особа в серой шляпе удаляется в вагоны.

– Одних пускают, других нет! – раздаются, но уже на конце платформы, хоровые восклицания. – Это ужасно! Нет, это просто ужасно!

Двое каких-то испитых рабочих стоят и пересмеиваются.

– Сегодняшний день, видно, барыни на свет народились, – замечает один, – не благоизвестны еще, что одних пускают, а других нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.